

«Сочинять искусственные истории неправильно»

Так считает кинематографист Андрей Зайцев

**Евгения ЛЕОНОВА,
для «Новых Известий»**

— Фильм «Глеб» сделан о том, как ребенок впервые отправляется в детский сад. Мне кажется, что за такую тему режиссер берется в двух случаях: либо о детском саде у него сохранилось чудовищное воспоминание, травма на всю жизнь, либо автор внимательно наблюдал за своими детьми и сделал сочувственное кино с позиции взрослого человека.

— «Глеб» — скорее первый вариант, поскольку детей у меня пока нет. Детский сад — одно из самых ярких впечатлений моей жизни. Я помню все — события, ситуации, настроение. Импульсом для того, чтобы начать снимать ленту, стал очень простой случай. Два года назад я сделал короткометражный фильм «Мой дом», который пригласили на кинофестиваль в Висбаден. До этого я бывал за границей, но только в туристических поездках и в большой компании. В Висбадене же я оказался один. Вокруг иноязычные люди. Я не понимал, о чем они говорят, что собой представляют, не понимал, над чем смеются — надо мной или по какому-то своему поводу. Я попал в ситуацию абсолютно чужого, незнакомого мира, законов которого не понимал. Первым желанием было либо спрятаться, либо уехать. Мне так сильно захотелось домой, что даже стыдно стало: что я, маленький, что ли? В этот момент я понял, что испытываю то же, что испытывал в первый день в детском саде. Правда, в отличие от Глеба, мужественно выдержавшего испытание, я целый день прорыдал в углу. Но потом привык. В итоге сад оставил смешанные ощущения — с одной стороны, было очень много радости и счастья, с другой же — чувство, что тебя туда как будто сослали, и ничего не оставалось, как подчиниться. В Германии я понял, что внутренне совсем не изменился, разве что научился защищаться от подобных ситуаций. Я вернулся в Москву с намерением сделать кино о первом дне в детском саде и сразу же узнал, что сын моих знакомых, Глеб,

в сентябре отправляется в сад. Вместе с ним шел другой мальчик, Тема, который в фильме плачет и целляется за маму. Тема знает, на что его ведут, а Глеб — нет, поэтому они реагируют по-разному: Тема рыдает, а Глеб внешне спокоен. На съемку я потратил три месяца, на монтаж — больше года, снимая за свои деньги.

— Герои «Глеба» — мама, папа, мальчик — не замечают камеры, наоборот, потому, что привыкли к вам. А другие в возрасте трех-четырех лет уже обращают внимание на кинокамеру или фотоаппарат...

— Дети открывают мир, каждый день — новая страница. На камеру они отвлекались на секунду, чтобы тут же переключиться на что-то иное. Если бы я начал снимать сразу, то оказался бы самой интересной игрушкой. Но до начала работы я провел в саду две недели. На меня перестали реагировать и взрослые, и дети. В фильме нет ни одной поставленной сцены, нет игры на камеру. Если персонажи пытались со мной беседовать, я молчал и постепенно делался для них чем-то вроде мебели. Все герои расслаблены. Обычно при чужих так себя не ведут.

— Как вам удалось уговорить на проведение съемки начальство реального детского сада?

— Я просто пришел в один из московских детсадов и спросил: можно ли я снимаю у вас одного ребенка? Мне ответили: можно. С тех пор я заведующую в глаза не видел, она познакомила меня с воспитательницами и больше не вмешивалась.

— Почему вы посвятили фильм своей маме?

— В фильме много любви, идущей от родителей Глеба. Они замечательные, светлые люди, к которым все тянется. Для меня это идеальные семейные отношения. Любви они передают ребенку, так же, как в свое время поступили их родители. У меня было то же самое: я много любви получил от мамы. Если бы не было этой любви, и этого фильма не было бы.

— Когда Глеба ведут в сад, создается впечатление, что родители

Документальный фильм «Глеб» — полнометражный дебют молодого режиссера Андрея Зайцева. Картина была впервые показана в конкурсе документального кино в Выборге и вызвала большой резонанс.

делают это специально, чтобы чадо вкусило социальной жизни, закалило характер...

— Нет, просто родители Глеба работали, и ребенка не с кем было оставить. Однако история закончилась тем, что обоих мальчиков забрали домой, попросив многочисленных родственников помочь сидеть с детьми. Родители увидели, что дети от нервного напряжения начинают болеть. Впрочем, правил быть не может. Все зависит

от обстоятельств и душевной организации ребенка. Мне детский сад пошел на пользу. Нужно побыть бедным, чтобы оценить деньги. Нужно испытать острое чувство одиночества, чтобы понять, что такое дом и семья. Общество, как правило, довольно равнодушно к человеку, и никто никогда не будет относиться к нам так, как родные.

— Картину прерывает старая документальная хроника...

— Герои фильма не возникли из пустоты. За ними стоят многие поколения их предков, благодаря которым они такие, какие есть сегодня. И для меня это, пожалуй, самое важное. У всего есть свои корни, поэтому Глебу постоянно снятся незнакомые ему люди и места. Включая их в фильм, я хотел рассказать о генетической памяти Глеба. Это было столь важно, что я нарушил законы жанра и допустил сны и ассоциации — элементы игрового кино — в документальную ленту, навязав ребенку нечто, чего у него в сознании, может быть, нет. Я отсмотрел очень много старой хроники, пока не наткнулся на кадры одной крестьянской семьи начала XX века: они сидят за столом и едят. Они вели себя так же естественно, как родители Глеба, словно и не замечая камеры, которая их снимает. Они были очень настороженные, не постановочные, как это обычно бывает в хронике, поэтому они и «попали» в сны Глеба.

— Ваш первый фильм назывался «Мой дом». Он тоже о семье?

— Это был мой первый фильм, 20-минутный. В течение полугода из окна своего дома я снимал сад и то же место: задний двор магазина, куда целый день приходили люди. Они заворачивали за угол, и тут же начиналась жизнь, которую как бы никто не видел. Одни соображали на троих, другие опохмелялись, кто-то стремительно опрокидывал чекушку и убежал на работу. Приходили домохозяйки вместе поболтать и выпить джин-тоник. Кроме того, это был самый популярный общественный туалет. Тут же играли дети. Это продолжалось без конца, одни люди уходили, их место занимали другие.

Я показывал жизнь двора крупным планом, поэтому зрители воспринимали это как подглядывание. Потом камера отъезжала, план становился общим, и было видно, что этот магазин находится в центре большой площади, вокруг стоят дома, едут машины, идут люди. Всем видно, что происходит на этом дворе и ни от ко-

го это не скрывается. Ненормальное стало нормой. А фоном шел звук постоянно работающего телевизора. Я подумал: если бы ребенок стоял у моего окна, что он узнал бы о мире? Он бы видел под окном всю эту грязь и слышал бы телевизор, наполненный таким же мусором. И что бы он стал делать через 20 лет? Пошел бы пить и мочиться к тому же магазину, а телевидение осталось бы таким же, как сейчас, или стало бы еще хуже.

— Какова судьба ваших фильмов?

— «Мой дом» — фестивальное кино, так как вызывает противоречивые эмоции: одних шокирует, других восхищает. Он участвовал в двадцати киносмотре, был в Гамбурге и Торонто, в 2001 году получил приз фестиваля «Экопофильм» в Словакии. Его приглашали в Венецию, но отказали, узнав, что он уже принимал участие в конкурсной программе в Пезаро. «Глеб», возможно, поедет в Екатеринбург на фестиваль документального кино.

— «Мой дом» и «Глеб» — два мира, два детства?

— Это получилось само собой. Вообще-то я более десяти лет занимался телевидением, потом учился у Александра Митты на курсе игрового кино. Но вскоре почувствовал, что игровое кино не мое. Все хотят быть, как Никита Михалков, мечтают снимать прекрасные картины и знают, как это сделать, но почему-то у большинства не получается хорошего, профессионального кино. Я понял, что отношусь как раз к такой категории. Шаг за шагом пришел к документалистике. Полгода каждое утро я вставал, подходил к окну и включал камеру, а позже узнал, что герой «Кинолюбителя» поступал так же. Говорят, самое сложное — снять первый фильм. Работать над «Моем домом» было легко, так как я снимал то, что хорошо знаю и чувствую. История с «Глебом» аналогична: детский сад отлично помню и понимаю. Теперь проблема: что делать дальше? Сочинять искусственные истории, по-моему, неправильно.